

Борис Камов

**Реальность
ЧУДА**

записки целителя

Борис КаMOV

**Реальность чуда.
Записки целителя**

«Интермедиатор»

2003

УДК 882-94
ББК 53.59

Камов Б.

Реальность чуда. Записки целителя / Б. Камов —
«Интермедиатор», 2003

ISBN 978-5-91349-059-9

Борис Камов – педагог, публицист, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов РФ, дипломированный народный целитель, разработчик «Чая Б.Н. Камова». Изучает и применяет средства народной медицины более 50 лет. Им созданы оригинальные методики безлекарственного оздоровления детей, которые отстают в физическом, психическом, речевом развитии; методики лечения хронических заболеваний нервной системы, дыхательных путей, пищеварительных органов, печени, мочеполовой системы, кожи. В этой книге автор знакомит читателя со своим методом безлекарственной помощи онкологическим больным. Ученые и врачи назвали его «методом Б.Н. Камова». Данный метод пять с половиной лет применялся в Консультативной поликлинике Морозовской детской городской клинической больницы г. Москвы, где пациентами были по преимуществу дети с острым лейкозом и другими заболеваниями крови. Затем та же методика проверялась и применялась в НИИ детской онкологии и гематологии Российского онкологического научного центра им. Н.Н. Блохина РАМН. Главный вывод, сделанный специалистами в результате многолетней проверки, – метод Б.Н. Камова несомненно помогает и не имеет противопоказаний. Книга написана в свободной повествовательной манере и содержит большое количество уникальной информации. В ней впервые обнародованы многие секретные технологии восточных методов лечения. Для врачей-онкологов, педиатров и «взрослых» терапевтов, а также психологов, психотерапевтов, педагогов и родителей тех детей, которые страдают онкологическими и другими тяжелыми хроническими заболеваниями.

УДК 882-94

ББК 53.59

ISBN 978-5-91349-059-9

© Камов Б., 2003

© Интермедиа, 2003

Содержание

От издателя	7
От научного редактора	8
От автора	10
«До сих пор боюсь вида крови»	11
Часть первая	22
Глава I	22
Блеск	22
Колосс на одной ноге	23
«Некоторые лекарства опасней самой болезни» [7]	26
Глава II	28
Первая наука на Земле	28
«Два берега у одной реки»	28
Два подхода-две медицины	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Камов
Реальность чуда. Записки целителя

© Издательство «Захаров», 2003.

© Агентство электронных изданий «Интермедиатор», 2018.

От издателя

Борис Камов – педагог, публицист, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов РФ, дипломированный народный целитель, разработчик «Чая Б. Н. Камова». Изучает и применяет средства народной медицины более 50 лет. Им разработаны оригинальные методики безлекарственного оздоровления детей, которые отстают в физическом, психическом, речевом развитии; методики лечения хронических заболеваний нервной системы, дыхательных путей, пищеварительных органов, печени, мочеполовой системы, кожи.

В книге «Реальность чуда» автор знакомит прежде всего с главными аспектами своего метода безлекарственной помощи онкологическим больным. Этот способ лечения относится к сопроводительной терапии. Ученые и врачи назвали его «методом Б.Н.Камова». Автор проанализировал разные виды осложнений, которые возникают в процессе противоопухолевого лечения, и предлагает средства и способы их купирования.

Метод Б.Н.Камова пять с половиной лет применялся в Консультативной поликлинике Морозовской детской городской клинической больницы города Москвы, где пациентами были по преимуществу дети с острым лейкозом и другими заболеваниями крови. Без малого два года та же методика проверялась и применялась в Научно-исследовательском институте детской онкологии и гематологии Российского онкологического научного центра им. Н.Н.Блохина РАМН. Здесь возможностями этого способа лечения воспользовались дети с разными формами онкологических заболеваний, о чем подробно рассказано в книге.

Главный вывод, сделанный специалистами в результате многолетней проверки, – метод Б.Н.Камова несомненно помогает и не имеет противопоказаний.

Книга написана в свободной повествовательной манере и содержит большое количество уникальной информации. В ней впервые обнародованы многие секретные технологии восточных методов лечения.

Эта книга адресована врачам-онкологам, педиатрам и «взрослым» терапевтам; психологам, психотерапевтам, педагогам; родителям тех детей, которые страдают онкологическими и другими тяжелыми заболеваниями; всем, кто нуждается в дополнительной помощи в процессе лечения хронических недугов.

От научного редактора

В 1950 году у ленинградского школьника Бориса Камова заболела мать: пиелонефрит. Лучшие медики города на Неве не сумели ей помочь.

Полтора десятилетия спустя у московского журналиста Бориса Камова заболел сын: снова пиелонефрит. На этот раз уже столичные врачи заявили о своем бессилии. Тогда Борис Камов решил, что займется спасением своего сына сам. При этом времени у него было в обрез.

Таков очень давний первотолчок событий, которые легли в основу книги «Реальность чуда».

Борис Камов стал изучать медицину Востока, отечественные народные средства оздоровления – и сына своего вылечил. А вслед за тем помог исцелению многих чужих детей и взрослых.

В итоге мы получили высококвалифицированного врача-практика и знатока истории медицины: краткая ретроспекция путей развития медицинской науки Востока и Запада с древних времен до наших дней, которую мы находим в книге, уникальна.

«Реальность чуда» – не имеет аналогов. Прежде всего, это мемуары, рассказ о том, как человек с образованием школьного учителя искал и нашел способы альтернативного лечения одного из самых опасных заболеваний – пиелонефрита.

В народе замечено: «Беда не приходит одна». Но, как увидит читатель, – бывает, что и удача тоже не приходит одна. Многие разработки, сделанные Борисом Камовым: особый питьевой режим, композиции лекарственных трав (запатентованные под маркой «Чай Б.Н.Камова»), оригинальный способ горячего мытья, – соединенные с упражнениями из арсенала йогов (в первую очередь дыхательными), оказались пригодны не только для лечения почек.

Сегодня самая драматичная отрасль медицины – онкология. Здесь тяжело всем – и больным, и врачам. Борьба идет иногда не просто за жизнь человека – но и за каждый день этой жизни. Современное лечение злокачественных опухолей в большинстве случаев высокоэффективно, но при этом тяжело переносится организмом. Борис Камов цитирует древнего философа Сенеку: «Некоторые лекарства опасней самой болезни». Часто: если больной сумеет перенести «испытание лечением» – химиотерапию или лучевую терапию, – он получает шанс выздороветь и вернуться к нормальной жизни.

И вот выяснилось, что те же самые народные средства, которые Борис Камов применял для лечения общетерапевтических недугов, способны уменьшить осложнения, которые возникают в процессе онкотерапии, а иногда и вовсе эти осложнения устранять. Для этого он использует очень простые способы: гидротерапию, в любом состоянии доступные дыхательные упражнения и природный дар лекаря: энергетическое контактное или бесконтактное воздействие на больного.

Борис Камов рассказывает, как ему удалось – шаг за шагом – разработать комплексную технологию лечения таких больных. Он ее назвал *сопроводительной*. Эта технология была официально признана ведущими детскими онкологами и получила название «метод Б.Н.Камова».

Особо хочу отметить: «метод Б.Н.Камова» был создан «на ходу» – вне стен лабораторий. И в одиночку. А универсальность этого способа лечения объясняется относительно просто. Борис Камов искал не средства воздействия на тот или иной орган. В полном соответствии с принципами народной медицины автор книги нашел пути пробуждения ресурсов самого организма. «Даже у тяжелобольного человека, – пишет Борис Камов, – они велики».

В общей сложности десять лет автор применял свой метод лечения в учреждениях Детского фонда им. Ленина, поликлинике Морозовской детской клинической больницы г.

Москвы, в Научно-исследовательском институте детской онкологии и гематологии Российского онкологического научного центра им. Н.Н.Блохина и в других лечебных учреждениях.

Борис Камов наглядно демонстрирует, какими богатствами оздоровительной информации, накопленными за многие тысячелетия народными медиками, обладает человечество. Автор эти богатства не только перечисляет. Вот уже четыре десятилетия он сам умело и продуктивно ими пользуется.

В кратком предисловии я нарочно ухожу от научного анализа книги «Реальность чуда». Изложенные в ней принципы безопасного альтернативного лечения, десятки на редкость простых методик лечения тяжелейших осложнений, продемонстрированные автором в действии, в процессе помощи конкретным пациентам, требуют множества страниц и подробного разбора.

Внимания в этой работе заслуживают все, начиная с диалогов, которые автор ведет со своими пациентами – детьми и взрослыми. Разговор становится началом лечения. Разговор, пробуждение нравственных сил, случается, поддерживает больного в экстремальных ситуациях, пока удастся пустить в ход средства более радикальные.

Тем, кто просто любит книги, финал которых невозможно предсказать, я говорю: прочтите «Реальность чуда». Здесь вы найдете ни на что не похожий сюжет, подсказанный самой жизнью. Тут есть драматические конфликты, есть портреты реальных людей, характеры и судьбы. Вас может увлечь и стремительный, парадоксальный, эмоциональный ход авторской мысли. Короче, это настоящая, новая литература. Десять лет назад такая книга появиться на свет не могла.

Тем, кто страдает от тяжелых и давних заболеваний и пока что вместе с врачами не нашел результативных средств борьбы с ними, я говорю: прочтите «Реальность чуда». Вполне вероятно, что именно здесь отыщутся ясные ответы на те вопросы, которые вас давно тревожат.

Наконец, коллегам-врачам я тоже рекомендую: прочтите. Это уникальное собрание понятной, доступной, давно выверенной и практически полезной информации может стать вашим добрым советчиком и помощником во многих сложных ситуациях.

В заключение могу только сказать: работа над рукописью книги «Реальность чуда» в качестве научного редактора доставила мне большое удовольствие.

А многие бесспорно полезные вещи, рекомендованные Борисом Камовым, вошли и в мою жизнь.

Виктор СИМАКОВ, кандидат медицинских наук

От автора

Пред вами, читатель, лечебник – но необычный. Мож-но лечить, выписывая столбцом рецепты, с которыми следует бежать в аптеку. А можно помочь выздоровлению, рассказывая поучительные случаи и делясь опытом. Так поступали в древней Греции. Больного выносили на улицу. Каждый прохожий, если он когда-то страдал похожим недугом, обязан был поделиться – что ему помогло. Вот почему на этих страницах я часто обращаюсь к событиям жизни собственной и близких мне людей.

Кому-то покажется: в такой работе, в лечебнике, мемуарную часть можно бы и опустить, но тогда читателю будет непонятно, как абсолютно книжный человек, учитель-словесник и журналист, завсегдатай литературных и исторических архивов, автор книг и фильмов для детей сделался йоготерапевтом и целителем.

А любому из нас, какую бы книгу мы ни открыли, важно знать: откуда автору известно то, о чем он пишет. И вообще: «Можно ли ему верить?»

Так что книга эта не для пролистывания в автобусе. Приготовьтесь, уважаемый читатель, к неспешному чтению.

Но если надо спешить, откройте оглавление.

Знаком совы и в тексте, и в оглавлении отмечены разделы, которые содержат практические рекомендации. Сова в мифологии, если помните, – хранительница древней мудрости.

Многие рекомендации и советы, которые вы здесь найдете, автор в непростых обстоятельствах проверил на себе и дорогих для него людях. Так сложилось... Поэтому рекомендую все без малейшей опаски.

Буду признателен за любые отклики, уточнения и дополнения.

Обо всех, кто мне помог на моем пути врачевателя, я рассказываю в книге.

А во вступлении, по горячим следам, хочу выразить благодарность моему другу и блистательному хирургу, знатоку истории медицины Виктору Ивановичу Симакову, который согласился стать научным редактором этой книги, демонстрируя возможность продуктивного сотрудничества представителей двух разных ветвей медицинской науки.

Благодарность и моему единомышленнику, разработчику редких по целебности препаратов на природной основе Светлане Петровне Аникеевой.

Низкий поклон им за помощь, многочисленные замечания и большой труд, вложенный в страницы этой книги.

ПОДВИГУ детей и взрослых, страдающих раком; подвигу врачей и ученых, которые вместе с больными самоотверженно боролись и борются со злокачественной клеткой,

ПОСВЯЩАЮ.

Примите скромную лепту в поддержку и помощь.

«До сих пор боюсь вида крови»

Лет тридцать назад существовала мода. Газетчик на две-три недели шел работать, продавцом, почтальоном, нянкой в детский сад, наконец, таксистом, а затем выпускал книгу под грифом «Журналист меняет профессию».

У меня же получилось так: более сорока лет, не отрываясь от пишущей машинки (ныне – компьютер), я лечил и продолжаю лечить людей. Поскольку мы теперь живем в меркантильный век и даже с экрана телевизора от нас требуют сведений о доходах, вынужден заявить: за первые тридцать лет своей целительской деятельности я не взял с больных ни одного рубля. Ни одной бутылки. Ничего. Единственный мой гонорар, который я согласился принять, – мне привезли из Швейцарии клеенку. На ней были изображены редкой красоты экзотические фрукты. Сейчас такую клеенку и такие фрукты в натуральном виде можно купить на любом рынке. А тогда это был редкий, специально для меня заказанный подарок.

Как это станет видно из дальнейшего повествования, мы с сыном, восемь с лишним лет официально проработав в качестве целителей в стенах государственных медицинских учреждений, не получили там ни копейки жалованья и не взяли ни копейки платы с больных. На жизнь зарабатывали когда чем.

Скажем, в советские времена меня и семью кормили прежде всего газетно-журнальная поденщина, радио, телевидение, фильмы и книги. В годы перестройки, поступив на службу в Детский фонд им. Ленина, а там и в коммерческий медицинский центр, я стал, наконец, получать жалованье как целитель.

Читателю, вероятно, будет любопытно узнать, что езжу я до сих пор на «ладе»-«шестерке». Третьей по счету. Пересаживаться на иномарку пока не планирую.

Но самый главный вопрос, который мне чаще всего задают: как меня угораздило стать целителем? Как удалось сконструировать семь ныне запатентованных «Чаев Б.Н.Камова», которые теперь ежедневно пьют сотни людей? Наконец, и это самое трудно объяснимое, – как я, учитель-словесник по образованию, сумел разработать «метод Б.Н.Камова» по безлекарственному сопроводительному лечению онкологических больных? Наши выдающиеся медики-онкологи не только признали метод нужным и полезным. Они еще установили, что он абсолютно безвреден.

В детстве и юности я даже не пытался представить себя врачом: всегда боялся и до сих пор боюсь вида крови. Но поскольку врачом, хоть и поневоле, я стал, и опыт мой в социально-психологическом плане уникален, я все же постараюсь случившееся объяснить. Для начала перечислю «узловые» моменты собственной биографии.

Родился я 5 августа 1932 года в Ленинграде. Случилось это в роддоме в Демидовом переулке возле Сенной площади. По загадочному стечению обстоятельств полтора года спустя там же родилась моя будущая жена, Элла Гдальевна. Через тридцать лет, в Москве, мы случайно с ней обнаружили, что наши свидетельства о рождении написаны одной рукой на одинаковых бланках.

Жил я с родителями и бабушкой в доме возле той же Сенной площади. Раньше наша квартира целиком принадлежала моему деду, Борису Лазаревичу Клупту, купцу второй гильдии, удачливому человеку редкой красоты и доброты. Умер он в 1924 году. Имя мне дали в память о нем. И я до сих пор грущу, что мы с ним не встретились.

После «уплотнения» нашей семье досталась одна большая комната и одна совсем крошечная. По коридору нашей уже коммунальной квартиры я катался позднее на самокате.

Здесь мы прожили осень и зиму 1941–42 гг. В девять лет я дежурил на крыше во время воздушных тревог. Ходил по городу за водой, за хлебом и с поручениями, зная, что детей крадут и зная, для чего...

Блокада отучила меня от детских страхов, привила черты характера, которые не утратили своей необходимости до сих пор. Потом, в эвакуации, я узнал и полюбил крестьянскую работу. Стихотворение А.Н.Некрасова «Мужичок с ноготок» мне было очень близко. Но подробно на всем этом я сейчас останавливаться не буду.

В 1944 году мы вернулись в Ленинград. Дом наш был угловым. Он выходил на Садовую улицу и в Таиров переулок. Этот переулок, особенно дом четыре, славился в округе по двум причинам.

Первая – будто бы в доме четыре в свое время «от ищеек самодержавия» прятался Владимир Ильич Ленин. Если бы он прятался там и сегодня, его бы тоже не нашли. На это имелась причина вторая.

Дом четыре из века в век поставлял Петербургу кадры «тяжелого криминала» и ослепительно хорошеньких девочек общественного пользования. Это был как бы завод. Лет двести он безостановочно выпускал человеческую продукцию одного и того же назначения.

Проверить версию относительно Ленина я не сумел. А вторая на моих глазах подтверждалась ежедневно. Однажды с балкона я увидел четверых молодых парней в штатском, но в начищенных хромовых сапогах в гармошку. Это была цеховая униформа профессиональных воров. Они двигались как бы независимо друг от друга. Внезапно, в одну секунду, эти четверо рванулись и сбили с ног пятого – человека в ботинках с новыми галошами. Каждый из налетчиков умело, без суеты, ударил его сапогом с подковками всего по одному разу. И несчастный уже не встал.

Видел я (уже начиная заглядываться) симпатичных, стеснительных девочек все из того же дома. Если я отваживался с ними заговорить, они густо краснели. От приглашений в кино или Дом пионеров испуганно отказывались. По какому-то полуцыганскому, полуворовскому неписаному кодексу этим девочкам полагалось в 14–15 лет становиться «марухами» – общими безотказными сексуальными «станками» для «братвы». За пять-шесть лет такое стеснительное, неземное существо превращалось на моих глазах в полуседую, опустившуюся, растолстевшую клушу. Издали завидя меня, бывшие девочки закрывали платком лицо и уже никогда не здоровались.

Рассказываю не для экзотики, не в качестве историка петербургских трущоб. Отчасти это была и моя среда. Отец четвертый год находился на фронте. Мать была в заботах, чем накормить. Я тянулся к старшим товарищам из моего дома, которые были связаны с нелюдимыми и опасными соседями. У каждого на боку, под пиджаком, была финка, выпиленная из рашпиля, с наборной пластмассовой рукояткой. Вместо финок затем появились пистолеты, найденные в заброшенных окопах под Ленинградом. Был одно время пистолет ТТ с полной обоймой и у меня. В 13 лет. Я иногда таскал его неизвестно зачем. До сих пор помню волнующую и пугающую его тяжесть на животе, за брючным ремнем или в кармане пальто.

Оружие обладает над нами какой-то властью и живет своей внутренней, нам недоступной жизнью. Именно по-этому даже старый незаряженный дробовик раз в году непременно стреляет. Вспомним: слепой дурной выстрел где-нибудь дома или на охоте или во время чистки оружия, как правило, заканчивается чьей-то смертью. Наповал.

Особенно сложна взаимосвязь «подросток и оружие». Ее очень тонко понимал Аркадий Гайдар. Когда в повести «Школа» в руки к 12-летнему Борису попадает маленький маузер, это переворачивает всю жизнь мальчишки. Обратите внимание: первый нечаянный выстрел Борис делает в толпе сверстников, в собственной школе... По счастью, в потолок. А жертвой второго, уже в прифронтовой полосе, становится сверстник Бориса...

Меня от нелепых выстрелов из ТТ в любую сторону спасло только Провидение. Собственной дурости тогда еще хватало. До катастрофы порою оставалось меньше полушага.

...Помню тот день, когда без лишних формальностей мне предстояло сделаться полноправным членом воровского сообщества. Мы без труда проникли на какой-то продовольственный склад. Там не было ни души. Мне сказали: «Борька! Не дрейфь! Бери, сколько унесешь. Дома пригодится». Стоял 1944 год. Дома голодали. Но я ничего не взял. Даже не притронулся.

Довольно скоро моих наставников арестовали по «расстрельной» статье: где-то с помощью трофейного парабеллума (который я тоже однажды держал в руках) они «намокрили».

Мне жаль тех ребят. Я-то видел их с лучшей стороны и до сих пор благодарен, что мои товарищи не заставили меня (как принято в той среде) в чем-нибудь бесповоротно увязнуть. В войну людские судьбы перемальвались с устрашающей легкостью. А здесь и судьбы-то еще не было. Она только начиналась.

С осени 1944-го, когда стремительно произошли эти нелепые события, во мне навсегда поселилась ненависть к тому, что именуется *взять чужое*. И ненависть к тем, кто *брал и берет*. То, что я позднее занялся журналистскими расследованиями, тоже пришло ко мне из 1944-го.

Отец, Николай Иосифович, в пять лет научил меня читать. Прочитал я немало. Понятия, образы, сюжеты, почерпнутые из исторических, естественно-научных, фантастических книг и даже из классических романов со временем весьма своеобразно откристаллизовались у меня в голове в «научную информацию», которая при необходимости легко обрастала дополнительными, очень точными подробностями. Запасами из кладовых детской памяти я пользовался и в работе над «Реальностью чуда».

В детстве и потом занимались мною мало. Больше с горечью, нежели с гордостью, говорю: «Я – самоучка!» Теперь я четко понимаю: сам, упорством, я брал больше, нежели мне давали. И с сожалением думаю: «А если бы меня чему-нибудь еще и как следует научили?»

В 1946 году, когда мне исполнилось 14 лет, я вдруг записался в «Бригаду содействия милиции». Это был экспериментальный коллектив. Возникла идея готовить из мальчишек будущих элитарных оперативников. Время от времени нас собирали для занятий. Потом давали задания. Послевоенный Ленинград был переполнен жульем, ворами, махинаторами. Меня влекла романтика. Вблизи полу сыскная работа была не столь привлекательна. Не исключая, что, попривыкнув, я бы остался в «системе», осел в «органах». Но отвлекли два события.

Первое. На меня обратил внимание школьный преподаватель физической культуры. Посоветовал («пока самостоятельно») тренироваться в беге. Каждый день после уроков я «наматывал» круги. А потом физрук выдвинул меня на районные соревнования. Бежать пришлось 1000 метров в Юсуповом саду неподалеку от школы и от дома. Я занял первое место.

В ознаменование такой победы в школьном холле на специальном стенде поместили увеличенный портрет «чемпиона». Начались разговоры о моей уникальной «бегучести», «индийской легкости шага» и, естественно, о необходимости «растить дарование». Закончились они по обыкновению ничем. Но легко и быстро я хожу до сих пор. А если опаздываю, могу припустить и за троллейбусом.

А вторым событием стало мое увлечение художественной самодеятельностью. Я готовил школьные концерты к разным датам. Они собирали много народу. Приходили даже из соседних школ. Я исполнял обязанности конферансье. Злоупотребляя «служебным положением», через номер сам читал стихи и монологи из пьес. Читал очень громко. Мой друг меня даже предупредил: «Сорвешь голос. Будешь всю жизнь сипеть». По чистой случайности поначалу все вышло наоборот.

Я выбирал такие монологи, где начинать нужно было очень тихо. Потом я читал все громче. Наконец, орал так, что в актовом зале вибрировали стекла. Мне было 15 лет. Голос мой ломался. Моя система чтения на самом деле голос тренировала и развивала. В результате я мог свободно перекричать весь класс. При этом голос оставался рокочущим, гибким, если нужно, мягким. Я легко брал высокие ноты. Легко и низкие: формировался густой баритон, готовый

со временем перейти в бас. Потом специалисты определили: у вчерашнего десятиклассника среднего роста и средней комплекции – целых две октавы.

Кем быть – для меня этот вопрос был решен: разумеется, актером. Мама сильно возражала. Ее смущали нравы в актерской среде. Чтобы получить поддержку, я обратился к двум очень известным ленинградским мастерам. Александр Федорович Борисов только что сыграл академика Павлова в нашумевшем одноименном фильме. Он пригласил меня к себе, выслушал и сказал: «Толк будет».

Затем я попал к Леониду Сергеевичу Вивьену, художественному руководителю Александринки, профессору Ленинградского театрального института. Ему я прочитал «Паж или пятнадцать лет» А.С. Пушкина. Затем – на несколько голосов – большой отрывок из Некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Вивьен сказал: «С будущего учебного года я вас беру к себе в мастерскую. Просьба одна – не провалиться по истории или на сочинении». Это означало: я был принят на курс за восемь месяцев до начала вступительных экзаменов.

Экзамены я сдал. Еще до начала конкурса, на консультациях, послушать мой голос приходили другие преподаватели – актеры театров. Они просили что-нибудь прочесть, слушали, качали головами. Голос мой был послушен, силен и для окружающих непонятно каким образом поставлен. Когда я с кем-нибудь беседовал, грудная клетка рокотала.

Вдобавок я обнаглел: начал петь (на слух) романсы и даже оперные арии. Однажды я приехал в деревню. Шел по улице. Думая, что никто меня не слышит, запел. Кажется, арию царя Бориса. Ко мне подошла молодая женщина:

– Послушайте, молодой человек, – сказала она. – У нас есть церковь, но нет батюшки. А у вас голос, как у нашего покойного дьякона. Вы не согласились бы провести службу? Хотя бы одну? Мы вам заплатим.

Я тогда был далек от религии. Придерживался «убеждений», изложенных в пятикопеечном уставе комсомола. Я смутился и убежал.

Но вскоре по мне как бы прокатился каток. На уроках сценической речи преподаватель Руднева обучала меня гекзаметру (упражнению по развитию голоса) по шаблону. Она ни разу не уделила мне и десяти минут. Ставить голос, как я теперь понимаю, мне было не нужно. А требовалось научить, как его сохранить (что, в отличие от Рудневой, понимал еще мой школьный друг). В 18 лет формирование систем организма еще продолжалось. Связкам было можно помочь. А можно было и навредить.

Короче: к концу семестра две мои роскошные октавы – все мои восемь голосов – от дисконта до протодьяконского, из пупка пробивавшегося баса – слились в один – сильный, глухой, лишенный полутонов и оттенков. «Вам только Каренина с вашим голосом играть. Больше ничего», – так без тени юмора оценила свою работу товарищ Руднева.

Через десять лет, когда я начал выступать на радио и ТВ, режиссеры сатанели от моего ужасного, однотонного усыпляющего полубаритона. Они предпочитали, чтобы мои рассказы от первого лица о моих поисках и находках читали бы актеры, а то и актрисы, обычно исполняющие роли мальчиков в радиоспектаклях.

Меня это уязвляло. Я подобрал теперь уже йоговские упражнения и поставил себе голос во второй раз. Связки начали производить живой звук. Но прежний «бархат голоса моего», из которого можно было «шить штаны», восстановить я не сумел. Для этого нужно было вернуться в восьмой класс.

Потом лишь я узнал: бездарность питерских «мастеров голосовых дел» удостоилась анекдота: «Вы знаете, кто такой воробей? Это соловей, который закончил Ленинградскую консерваторию». Я мог добавить: «И Театральный институт».

Чувствовал я себя в институте все неуверенней. На зимней сессии меня из мастерской отчислили. Это была первая «социальная» катастрофа в моей жизни. По сегодняшним меркам – наименьшая.

Я поступил в Ленинградский педагогический институт им. А.И.Герцена. Закончил отделение русского языка и литературы. Затем аспирантуру по кафедре советской литературы. Институт расширил мой кругозор, научил меня постигать многозначность текста и научил работать с документами.

У меня была возможность остаться преподавать в институте, но в Москве меня ждали жена и сын. Я переехал в столицу. Здесь меня сначала полтора года не прописывали (детали опускаю). Я регулярно беседовал с участковым милиционером. На первых порах он предлагал мне вернуться в Ленинград. Потом мы подружились. И участковый подсказывал, куда я должен дальше жаловаться на его начальство.

Когда появилась прописка, возникла новая проблема – никто не брал на работу. Я хранил реестр 120 учреждений с именами руководителей и кадровиков, к которым я обращался: часами ждал в приемных, объяснял, что я умею; писал заявления, автобиографию (непрерывно от руки); заполнял анкеты, ждал ответа. Каждую неделю о себе напоминал. И получал неизменный отказ.

Было горько и смешно, когда года через два, начав широко публиковаться, я ходил в те же редакции, в те же просветительские учреждения в качестве желанного автора и полусвадебного генерала, участника торжественных мероприятий. В роли недавнего просителя меня никто не помнил.

Спасли меня в пору неудач три обстоятельства.

Первое. Меня поддерживала жена, ныне покойная Элла Гдальевна Камова, которая оказалась единственным человеком, кто в меня в ту пору верил. Когда от непрерывных поражений я начинал тупо смотреть в стену, она говорила: «Ты – как жук-скарабей. Если долго соприкасаешься с навозом, то забываешь, что умеешь летать».

Однажды я молча пообещал себе, что оправдаю эту веру в меня.

Второе. Я понял: нельзя, чтобы это тягостное время пропадало впустую. Наоборот, оно должно работать на меня. Теперь, чем бы ни заканчивался очередной поход в поисках работы, я возвращался домой, садился за стол и писал хотя бы две страницы. Пухнувшая стопка исчерканных страниц – таков был мой ответ кадровикам из отставных чекистов.

Я и сегодня помню эти непробиваемые, мумифицированные лица. Пиджаки с почти маршальским набором орденских колодок. Кадровики никогда не смотрели тебе в лицо и как бы ничего из сказанного тобой не слышали. Это были остатки еще ежовского набора. Знаменитые «ежовые рукавицы».

Почти каверинский девиз «Писать – и не сдаваться» дал мне силы духовно не расплющиться под обвалом унижений, а заодно и от дикой нищеты, когда в кармане порою не было 10 копеек на маршрутку или 15 копеек на бутылку молока.

Исписанные страницы крепили во мне убеждение, что перелом близок. Я приучил себя сохранять твердость духа и ясность мысли в любых обстоятельствах. Это позднее пригодилось и в целительской работе.

Как-то под утро я утомленно поставил на последней странице большую жирную точку. Размашисто расписался. И лишь только открылась почта, отослал папку в Ленинград. В издательстве рукопись, естественно, помуржили, но прислали аванс. А там и десять авторских экземпляров. Следом позвонили с почты и шепотом велели: «Придите получить перевод. Нести вам домой никто не соглашается». Я побежал на почту. Это был гонорар. Такого коли-

чества денег я в руках никогда прежде не держал. Я ощутил себя «скупым рыцарем», бальзамовским Гобсеком и властелином мира одновременно!

Когда же я стал ходить по газетно-журнальным редакциям, показывая и даря (с автографом!) свою первую книжку, на меня уже смотрели по-иному. Я перешел в категорию *подающего надежды*.

А третьим обстоятельством оказалась невзрачная вывеска. В одном из грязных закоулков возле метро «Дзержинская» (теперь – «Лубянка») я сначала увидел вывеску «Вторсырье. Районная контора». А рядом – «Редакция газеты «Московский водник».

Главный редактор, Евгений Иванович Среднее, улыбчивый, полный человек, по возрасту был года на два старше меня. Чтобы принять или уволить с работы, ему не требовалось согласие отдела кадров. Он дал мне контрольное задание. Я принес ему статью. Он положил мне жалование в 60 рублей. Я вышел на работу и занялся... журналистскими расследованиями.

Тираж у газеты был 2500 экземпляров. За подвал платили от 3 до 5 рублей. Но именно в «Московском воднике» я прошел первую и самую главную свою школу журналистики. Этому помогла одна тонкость. Газета считалась органом Московского речного пароходства. Но в результате давней бюрократической казуистики формально «Московский водник» напрямую подчинялся... отделу печати ЦК КПСС. Сам ЦК об этом давно забыл. Но если пароходство сильно давило на Среднева, он мягко, с улыбкой, напоминал: «Я все понимаю. Но мы подчиняемся ЦК партии. Хотите – зайдем, посоветуемся?» Иметь дело с «любимой партией» никто не хотел. И статьи из многотиражки «Московский водник» перепечатывали большие газеты. Чаще других – «Известия» и «Труд».

Среднев с первых шагов поддерживал меня в моих проектах. Если я что-то нащупывал, он отпускал меня на пять-семь дней в «свободный поиск». Я, скажем, разобрался, куда в Южном порту столицы исчезают триста (!) тонн арбузов из каждых шестисот, что прибывали на баржах из Астрахани. И вышел «гвоздь» – статья «Благополучие на арбузной корке».

В следующем материале «Сухов и Компания» я рассказал о громадных хищениях в системе УРСа (Управления рабочего снабжения) Московского пароходства. Снабженцы обирали экипажи судов и туристов-пассажиров.

На очереди был еще один скандальный материал – о том, как в Южном порту разворывали имущество всех новых судов иностранной постройки. Три-четыре лайнера в год закупало советское правительство. Роскошные многопалубные суда поступали в пароходство. В тот же день составлялся акт, что за время пути от верфи в ГДР до Москвы фарфоровая столовая и чайная посуда, декоративные вазы, хрустальные светильники, мельхиор, тонкое постельное белье и т. п. «от сильной качки разбились и повредились в пути». В Москве (уже за счет пароходства) те же суда в короткий срок комплектовались другими сервизами, вазами и бельем, но уже отечественного производства. Ущерб («в твердых ценах») достигал 300 000\$ в год. Доллар в ту пору стоил 70 копеек. На черном рынке ценность украденного была много раз выше официальной.

Полдюжины мелких жуликов проворачивать регулярные операции такого масштаба в эпоху сплошного дефицита не могли. Средневу и мне стало очевидно: мы вышли на громадную разветвленную банду. (Слова «мафия» в русском языке тогда еще даже не существовало!) Главными участниками аферы были десятки высокопоставленных чиновников во главе с самим речфлотмикистром товарищем К¹.

¹ Фамилию министра речного флота РСФСР я мог бы привести полностью, но, как писал В. В. Маяковский, «я такого не хочу даже вставить в книжку».

Когда же в пароходство, а затем и в министерство просочилась информация, что нам, в редакции, известно, как грабят новые лайнеры, началась жесткая кампания против «Московского водника». Дважды приглашал к себе меня, литсотрудника многотиражки, заместитель министра по кадрам. Долгие увещательные беседы заканчивались ничем. На попятную я не шел и в торг не вступал.

Тогда «Московский водник» внезапно закрыли. «За нерентабельность». Отдел печати ЦК промолчал. В стане наших врагов началось ликование. Е.И.Средневу, главному редактору лучшей в СССР бассейновой газеты, предложили должность литсотрудника отдела писем в союзной газете «Водный транспорт». Ниже была только должность курьера и сторожа. В другие издания Евгения Ивановича не взяли: тянулся шлейф загадочного для посторонних скандала. Средневу нужно было кормить семью. В тесной, тусклой комнатенке он сел работать «с письмами трудящихся – речников», которые поступали в «Водный транспорт».

Меня же, беспартийного и теперь снова безработного журналиста, вызвали в транспортный отдел Московского комитета партии. Я мог не пойти. В партии я не состоял. Увольнять меня уже было неоткуда.

Однако я понимал: «в случае неявки» меня объявили бы трусом. Я бы дал бесценный повод заявить, что факты, изложенные в моей последней публикации «Сухов и Компания», «чистое вранье», поскольку «прямого и честного разговора в Московском комитете партии Камов испугался».

Я пришел. Уже несуществующую газету «Московский водник» я представлял один. А ждали меня человек пятьдесят: «герои» моей последней публикации, высокие чины из министерства и московского пароходства, сотрудники транспортного отдела МК.

В присутствии всей этой разгневанной публики заведующий отделом сурово потребовал, чтобы я, не сходя с места, написал заявление примерно такого содержания:

«В МК КПСС.

(Транспортный отдел)

Факты, изложенные мной в статье «Сухов и Компания», не соответствуют действительности. Я, молодой журналист, по неопытности оклеветал хороших людей, в том числе заслуженных членов партии.

Приношу им свои извинения».

В ином случае, пугали меня, я не напечатаю больше ни одной строки.

Когда же в ответ на обвинения в неопытности и клевете я стал вынимать из портфеля и класть перед партдеятелями из МК пачки документов, – бумаги никто в руки не взял и даже краем глаза на них не взглянул. Целью «побольшевистски принципиального разговора» было «дожать этого журналиста».

«Дожать» не удалось, хотя против меня выступили десятка полтора ораторов. Писать отречение от собственных публикаций я отказался. И ушел из МК очень довольный собой.

Только дома, припомнив подробности разговора и намеки, понял: дела мои плохи. Транспортный отдел Московского городского комитета партии держал сторону заведомых грабителей. Пришли на ум и предупреждения знакомых работников Южного порта, что теперь везде и всюду мне следует быть очень осторожным...

Ночь я не спал. А утром нашел свое мальчишеское удостоверение члена «Бригады содействия милиции». (В конце концов, я тоже когда-то работал «в органах».) Взял папку с документами, которые не пожелали смотреть в МК, и отправился в Министерство по охране общественного порядка (так называлось в ту пору МВД). Отдать бумаги я согласился только в руки

самого начальника главка ОБХСС. Для меня это был последний шанс на благополучное завершение «производственного конфликта».

Через неделю в Южном порту были уволены сотрудники речной милиции. Все до одного. Это они обеспечивали бесконтрольное круглосуточное воровство и беспрепятственное движение транспорта с награбленным. Взамен Петровка, 38 (по указанию из главка ОБХСС) прислала своих людей.

А еще дней через десять в пароходстве начались обыски и аресты. Документы под охраной офицеров с той же Петровки вывозили грузовиками. Под суд попали 14 человек – воры средней руки. Крупные пока что оставались в кожаных креслах, но испуг среди них был велик чрезвычайно. Все помнили о недавней судьбе директора Елисеевского гастронома, расстрелянного по прямому указанию Н.С.Хрущева за операции с валютой.

Спустя три дня после первых арестов в Южном порту литсотрудник отдела писем газеты «Водный транспорт» Е.И.Среднее был назначен заведующим экономическим (т. е. самым главным) отделом того же «Водного транспорта». Одновременно Среднева выбрали секретарем парторганизации. При первом же случае наградили орденом Трудового красного знамени. Затем, не мешкая, назначили заместителем главного редактора. В последний раз Евгений Иванович, утвержденный самим Михаилом Андреевичем Сусловым, поил меня чаем, уже пребывая в должности Главного.

Но пока совершалось сенсационное восхождение Е.И.Среднева, сам я снова оставался безработным. По счастью, теперь это меня уже не огорчало. С августа 1962 года я занимался новым расследованием. На этот раз – обстоятельств гибели Аркадия Петровича Гайдара.

Хотя с момента смерти писателя прошло более 20 лет, никто, включая родню, не потрудился узнать, а как это случилось на самом деле. Я исходил вдоль и поперек деревни и леса возле села Леплява на Украине, где воевал партизан Аркадий Гайдар. Ездил и летал по стране на встречу с его боевыми товарищами.

Не реже раза в месяц выступал по радио и телевидению. Мои радиорассказы шли циклами по три передачи подряд. До меня так выступал только один человек – писатель Сергей Сергеевич Смирнов, автор народной книги «Брестская крепость».

Очерки и статьи о моем поиске теперь печатали газеты и журналы. Стало модным приглашать меня для чтения лекций о подвиге А.П.Гайдара в детские и даже взрослые аудитории².

Мало кто знает: кампания против Аркадия Гайдара на самом деле была направлена против его внука, Егора, который в качестве политика сделал первый шаг в сторону рыночных реформ. Сотни обличительных публикаций против автора «Чука и Гека», которые почти одновременно появились в газетах по всему тогда еще Советскому Союзу, были щедро оплачены краденным «золотом партии». Все было сделано в соответствии с девизом: «Если ты врешь, то ложь должна быть колоссальна».

Любопытная подробность: обвинения были самые пестрые, носили по большей части фантастический характер, не имели ничего общего с реальной биографией Гайдара и абсолютно ничем не подтверждались. Не было никакой документальной базы.

Для столь широкомасштабной кампании нужен был лидер. Стать им согласился писатель Владимир Алексеевич Солоухин, автор скандальных, фальсифицированных публикаций о В.И.Ленине и антисемитской книги «Последняя ступень».

² Сейчас имя Аркадия Петровича Гайдара вызывает в лучшем случае неприязнь. На основе публикаций последнего десятилетия люди убеждены, что великий писатель и педагог совершил много злодеяний в годы гражданской войны. Из-за этих статей произведения Гайдара выбросили из школьных и даже детсадовских программ и практически перестали издавать.

Солоухин выдвинул тезис, что в годы гражданской войны А.П.Гайдар (тогда еще Голиков), потомок крепостного крестьянина, сын сельского учителя и матери-дворянки, занимался «геноцидом (то есть истреблением по расовому признаку!) русского и хакасского народов».

После того, как в «Огоньке» № 29 и «Литературной газете» № 35 за 1991 г. появились первые публикации Солоухина против А.П.Гайдара, я выступил в газете «Мегаполис-экспресс» № 49 за тот же год с открытым письмом. В нем я называл Солоухина клеветником и заявлял, что у него нет ни единого документа, который бы подтверждал обвинения.

В борьбе за доброе имя А.П.Гайдара меня поддержал Артем Боровик. В газете «Совершенно секретно» (1992, № 2 и 1993, № 8) были помещены две мои большие статьи в защиту любимого писателя нашего детства.

Ответом на эти публикации (через несколько лет!) стала книга Солоухина «Соленое озеро», где автор пытался полемизировать со мной.

Сейчас я заканчиваю *непридуманный детектив*, книгу-расследование «Игра в наперсток». Она имеет подзаголовок: «История одного литературного преступления». Книга поставит точку в затянувшемся споре. На основе архивных материалов, к которым никогда не прикасался Солоухин, я доказываю: и в увесистом «романе» (как именуется «Соленое озеро») нет ни одного документально подтвержденного доказательства преступной деятельности А.П.Гайдара в годы гражданской войны.

Существование мое разительно переменилось. Перед днем рождения А.П.Гайдара в январе или в канун 26 октября, дня его гибели, первый звонок раздавался в восемь утра. Статью об Аркадии Петровиче у меня просили срочно; размер – оптимальный для этого издания; гонорар как для членов Союза писателей. Условие одно – в материале должна быть сенсация, которая еще не появлялась в других журналах и газетах. Такого количества сенсаций у меня в запасе не было.

Я клал трубку – звонили из другого печатного органа. Иногда он никакого отношения к истории минувшей войны или детской литературе не имел. Просьба – та же.

Если совсем недавно меня изматывали отказы, которые я получал в редакциях, то теперь меня изматывали отказы, которые я вынужден был давать редакциям. Получалось: от бесчисленных неудач до успеха иногда тоже всего один шаг.

О работе дома не могло быть и речи. Жена доставала мне путевку в пансионат на Клязьме. Я уезжал из Москвы. В комнате из четырех человек, где соседи слушали радио и неторопливо, с утра, пили «родимую», – по договору с Деггизом я писал книгу, которую все ждали, – «Партизанской тропой Гайдара».

Мне посчастливилось найти несколько десятков человек, которые знали Гайдара по Юго-Западному фронту и в партизанском отряде. Оказалось, что за 127 дней войны, которые были ему отмерены судьбой, Гайдар принял участие в десятках боевых операций, ходил в тыл противника вместе с разведчиками. В окруженном Семеновском лесу под Киевом вместе с полковником А.Д.Орловым (которого я тоже нашел) Гайдар организовал прорыв и помог вывести из кольца более 2500 окруженцев.

Погиб он 26 октября 1941 года. В последние мгновения жизни, пожертвовав собой, писатель-партизан спас четверых товарищей. Двух, бывших лейтенантов С. Ф. Абрамова и В.И.Скрыпника, я отыскал. Они выступали потом несколько раз по Центральному телевидению.

Все обвинения Солоухина в том, что Гайдар повинен в целенаправленном «геноциде русского и хакасского народов», то

**есть в деятельности фашистско-националистического толка, –
мошенничество и ложь.**

После выхода книг «Партизанской тропой Гайдара» и «Сумка Гайдара» до 200 000 человек стали ежегодно приезжать на Украину, в Канев, чтобы посетить места, где воевал и погиб автор «Тимура». В Каневе была его могила. Там была построена Библиотека-музей А.П.Гайдара. Деньги на нее прислали дети-тимуровцы и взрослые со всей необъятной страны.

На основе собранных мной материалов Главное политуправление Советской Армии и Флота, ЦК ВЛКСМ, Союз писателей СССР и издательство «Детская литература» обратились в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством присвоить А.П.Гайдару звание Героя Советского Союза.

В архивах Союза писателей СССР хранится письмо из ЦК ВЛКСМ, в котором сообщалось, что Секретариат ЦК КПСС на специальном заседании рассмотрел ходатайства и принял решение присвоить (посмертно) звание Героя А.П.Гайдару и выдающемуся разведчику Рихарду Зорге.

Готовились грандиозные торжества. Детгиз, где выходили все книги Аркадия Петровича, должен был стать «Издательством «Детская литература» имени Героя Советского Союза А.П.Гайдара». Обсуждался вопрос, на какой площади Москвы будет возведен памятник. В Каневе памятник стоял, в Арзамасе, на родине писателя, тоже. В Москве еще не было.

Как случилось, что в Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении А.П.Гайдара Золотую звезду в последний момент заменили орденом Отечественной войны, – это отдельный детективный рассказ.

Но даже церемония вручения семье писателя скромного (как тогда говорили) «военкоматского ордена» прошла в Кремле, при большом стечении народа. Она вылилась в грандиозный праздник нашей культуры и отечественной детской литературы. Подробные репортажи об этом событии поместили на первых полосах все газеты Советского Союза. Они же печатали многочисленные фотографии.

... Именно в эту пору наконец достигнутого успеха и относительного финансового благополучия у меня заболел сын. Врачи довольно быстро перестали что-либо предлагать для его лечения. Кроме постельного режима.

Однажды я привез Сережу на консультацию к знаменитому профессору. Хотя в кабинете было просто холодно, знаменитый нефролог зачем-то велел раздеть мальчишку, потрогал его ледяными руками (Сережа вздрогнул), небрежно полистал анализы и объяснил: мы поздно к нему пришли, и он, светило, уже не берется нам помочь. А с начала болезни прошло только три месяца. И все это время мы мотались из клиники в клинику в поисках спасения.

Я успел устать от беспомощности знаменитостей, в поведении которых часто проскальзывал цинизм. Нас, родителей, «гении» отечественной нефрологии даже как бы осуждали, что мы приводим или приносим на руках тяжело больного ребенка вместо того, чтобы сидеть дома и ждать... И я спросил:

– Профессор, вы занимаетесь только почечными больными?

– Да, – не без любования собой ответил он, – пациентов с другими заболеваниями я отсылаю коллегам.

– Но почки лечить, как я только что убедился, вы тоже не умеете. Чем же вы тогда занимаетесь?

Вскоре наступил такой день, когда я понял: если я хочу, чтобы Сережа снова стал здоровым и вернулся в школу, я должен заняться его лечением сам. Выход, смутно представлялось мне, нужно искать в народной медицине. Но, кроме нескольких упражнений из хатха-йоги, я ничего о ней тогда не знал.

Результатом моих новых поисков, начатых сорок лет назад, на полузанесенных тропах народной медицины, стало не только исцеление сына, но и появление множества собственных разработок по альтернативному лечению общетерапевтических недугов.

Самым главным итогом усилий в области врачевания оказался «метод Б.Н.Камова» по сопроводительной безлекарственной терапии онкологических больных.

Подробно обо всем этом – в книге, которая сейчас перед вами.

Часть первая

Я не собирался быть целителем

Глава I

Блеск и нищета онкологии

Блеск

Рак – древнейшая болезнь. В Китае она была известна и подробно изучена в эпоху Шан-Инь – за две тысячи лет до н. э. В ту пору еще не успели изобрести бумагу. Свои записи врачи делали на черепаших панцирях и костях животных.

Древние китайские ученые, пользуясь многовековыми наблюдениями, выдвинули свою концепцию возникновения рака. Злокачественные опухоли, утверждали они, возникают в результате: застоя крови в тканях; задержек в организме плохо переваренной пищи и слизи; нехватки в теле кислорода и «жизненной энергии» – «ци» (откуда берет свое название термин «цигун терапия»).

Серьезность своего открытия китайские медики подтвердили практикой. Тогда же были найдены методы и средства лечения. Главным в противоопухолевой терапии стала оздоровительная гимнастика: дыхание по системе *фэн-хуси* (два вдоха – один выдох) и быстрая продолжительная ходьба с выгнутыми пальцами ног. Этим будто бы странным и легковесным способом в Китае лечат рак до сих пор, т. е. *четыре тысячи лет спустя*, если больному не помогают средства современной европейской медицины – химические препараты и лучевая терапия³.

В то время, как тихие несуетливые китайцы уже минимум полторы тысячи лет *успешно лечили* раковых больных, «основоположник европейской медицины» Гиппократ (он родился около 460-го и умер около 370 г. до н. э.) делился с товарищами по работе личным опытом в качестве онколога: «Если у кого рак бывает скрытым, то таких лучше не лечить, ибо испытавшие лечение скоро гибнут, а не лечившиеся живут более продолжительное время⁴». Перенимать при этом опыт восточной медицины, который был ему хорошо известен, Гиппократ не желал (о чем разговор впереди).

Перенимать опыт европейских народных лекарей тем более. Врачи европейской школы следуют его примеру до сих пор.

В Европе (если вести хронологию от того же Гиппократа) две с половиной тысячи лет не имели понятия, как бороться со злокачественной опухолью. Еще в начале XX века применялся единственный способ устранения новообразований – нож. Евромедики возмущались, если кто-то пытался лечить злокачественные опухоли другими способами. Например, травами, благодаря которым в практике народных целителей происходило полное *рассасывание* опухолей⁵.

³ См. Чжан Минью, Сунь Синьюань. Китайский лечебный цигун. СПб.: АО Комплект, 1994. С. 108.

⁴ Гиппократ. Избранные книги. М.: «Сварога», 1994. С. 724.

⁵ В труде армянского естествоиспытателя и врача XV века Амирдовлата Амасиаци «Ненужное неучам», опубликованном на русском языке в 1990 году, перечислены названия 1400 лекарственных средств, которые применялись для лечения рака в античные времена и средние века в Малой Азии, Закавказье, на Балканском полуострове и в Ира-не. «Ну и что?» – спросит читатель. Отвечаю: «Часть этих растений легла в основу современных противоопухолевых препаратов. До другой у евроонкологов еще не добрались руки: слишком много...»

Зато конец XX столетия ознаменовался колоссальными достижениями. Евроонкологам стали ясны причины многих форм рака. В первую очередь техногенных. Это открыло путь к массовой профилактике. Получила мощное развитие диагностическая аппаратура. Она позволяет обнаруживать ранние признаки заболеваний, отслеживать результаты лечения на всех этапах, подбирать способы лечения применительно к конкретному пациенту и т. п. Существует разнообразный набор препаратов, которые уничтожают или тормозят развитие раковой клетки. Есть приборы, способные сжигать новообразования.

Наконец, руки хирургов. Они, как и прежде, остаются главным оружием в борьбе с этой болезнью. И сегодня нужны люди с дарованием от Бога. Но теперь врач вооружен еще и видеоинформацией. Когда хирург подходит к больному в операционной, он в большинстве случаев имеет точное представление о том, что ему откроется. Это снижает количество опасных неожиданностей.

Во второй половине XX века через руки онкологов прошло от 250 до 300 миллионов человек. Одних онкологи от смерти спасли. Другим подарили короткую отсрочку. Поклонимся врачам-практикам и кабинетно-лабораторным ученым; поклонимся создателям могучего противоопухолевого арсенала за их совместный великий подвиг.

При этом заметим: полностью и временно исцеленных могло быть значительно больше...

Колосс на одной ноге

Наши врачи лечат хорошо.

Они выхаживать не могут.

Мих. Жванецкий

Итак, ученые и практические врачи создали мощные противоопухолевые препараты и «лучевые пушки». В каждой клинике есть асы, которые искусно владеют этим «огнестрельным оружием» и «отравляющими веществами».

Но драма в том, что война с применением таких сильнодействующих средств происходит в живом организме. Первыми ее жертвами становятся здоровые клетки, ткани, органы. Часть этих тканей и органов оказывается отравлена – вместе с раковыми клетками; часть обожжена – тоже за компанию с ними. Что-то неизбежно повреждается скальпелем во время операции. Понятно: это происходит по суровой «производственной необходимости».

Но осложнения порой обретают такие масштабы, что вылеченный от рака больной не в состоянии порадоваться избавлению от недуга: его одолевают другие. И нередко возникают трагические ситуации: анализы и снимки показывают: опухоли больше нет. Место, где она была, «перепахано» лучами и «удобрено» химпрепаратами. В ближайшее время на обработанном участке раковые клетки скорей всего не появятся. Победа?! Но больной вскоре умирает. Не от рака. От негативных последствий лечения.

Приведу всем памятный пример. Заболела раком крови жена нашего государственного деятеля. Ее пригласили на лечение в Германию, в лучшую европейскую клинику. Однако спасти больную, при безграничности денежных и лечебных средств, не удалось. Мало кто обратил внимание на причину трагедии, которую предали гласности немецкие профессора: «паралич кишечника». В переводе с высоконаучного языка на бытовой это означает: онкогематологи справились с острым лейкозом, но не сумели ничего поделать с «кишечным парезом», который в повседневной жизни известен как банальный, затянувшийся запор.

С ним немецкие специалисты, конечно, боролись тоже – делали промывание кишечника. Однако результатов это не дало никаких. Восточные медики в подобных случаях говорят: «Лечить нужно корни, а не листья». По моей версии, случилось вот что.

Самых «сильных» лекарств пациентке в Германии не пожалели. Как не жалели перед этим и в Москве. Печень оказалась перегружена, а желчный пузырь просто забит лекарственными и биологическими шлаками. Больная, как я понимаю, страдала от постоянной горечи во рту, позывов к рвоте. Чтобы избавить пациентку от изнурительных позывов, медики давали ей противорвотные средства. Отрава, вместо того, чтобы уйти из организма и принести облегчение, продолжала накапливаться. Больная отказывалась от еды и почти ничего не пила. Следствием этого сделалась полная «остановка» кишечника, что уже с другой стороны усилило общую интоксикацию. Таким образом, (повторяю, по моей версии) подлинная причина гибели женщины, уже в принципе *спасенной* от рака крови, – отравление организма лекарствами и биологическими шлаками.

Можно ли было избежать нелепой трагедии? Скорей всего, да. Я не держал в руках истории болезни. Но по имеющемуся у меня опыту, здесь требовалось, чтобы во время прохождения курса химиотерапии больной бы параллельно давали желчегонные и слабительные средства. То же самое надлежало сделать врачам и в Москве.

Вот самая незатейливая пропись из арсенала российской народной медицины, которая была способна переломить тупиковую ситуацию: лист сенны (или кора крушины, или жостер), бессмертник, льняное семя. Все это нужно взять в равных долях. Одну или полторы столовых ложки смеси насыпать в термос, залить тремя стаканами кипятка, дать постоять 15–30 минут, пить по 3/4 стакана за 20 минут до еды. И гибель могла быть предотвращена⁶.

Трагедия в немецкой клинике открыла: специалистов по сопроводительному лечению онкологических больных ни в лечебных заведениях России, ни на Западе не существует. Оказалось: в экстремальной ситуации такого специалиста в системе евромедицины просто негде взять, даже если это необходимо для престижа государства; если угодно – для престижа целого континента, согласного выложить любую сумму за спасение больного.

Соответственно и средств, нейтрализующих последствия противоопухолевой терапии, непростительно мало. Эффективность их низка. Между тем общее количество лекарственных препаратов, будто бы помогающих при иных недомоганиях, исчисляется сегодня на Планете десятками тысяч.

Евромедицина как наука (включая евроонкологию) две с лишним тысячи лет страдает отсутствием системного мышления.

Евростуденты изучают в институтах разрозненные анатомические препараты. Евроврачи затем лечат разрозненные органы пациентов: ухо, горло, нос, глаза, легкие, печень, почки, сердце, кожу; отдельно желудок, отдельно верхнюю часть кишечника, отдельно нижнюю.

Окулист при этом не ведает, что качество зрения нередко зависит от состояния шейных позвонков. И почек. Дерматологу невдомек, что т. н. нейродермит, от которого страдает великое множество людей, на самом деле часто является «калодермитом» и зависит от состояния кишечника и печени. А невропатологу не приходит в голову, что частые обмороки у детей и взрослых в большинстве случаев – не «эпилепсия???», а всего лишь результат хронического кислородного голодания, следствие слабого развития легких и неправильной «постановки» общего дыхания.

Евромедик самой высокой квалификации испытает в наши дни замешательство, если ему приведут незнакомого больного и предложат, не выходя из кабинета, поставить диагноз и прописать все необходимое лечение.

⁶ По странному совпадению, 205 лет назад от «паралича кишечника» погибла другая знаменитая женщина – Екатерина Вторая. Случилась трагедия в России, но пользовали Екатерину Великую тоже знаменитые немецкие профессора. За два с лишним столетия их квалификация в вопросах очистки кишечника сохранилась на прежнем уровне.

При этом врачи не желают даже слышать, что их восточные коллеги, за редким исключением, не гоняют пациента по соседним кабинетам, не посылают на анализ мочи, кала, слюны, желудочного сока, крови; не утруждают УЗИ, рентгеновские установки, роскошные томографы, а решают все диагностические и терапевтические проблемы сами, отвечая за возможные ошибки престижем, лицензией и дипломом.

Возвращаясь к главной теме, скажу: и в системе евроонкологии сегодня, как правило, отсутствуют специалисты широкого профиля. Каждый отвечает за свою «малую землю». Хирурга не очень-то волнует, мочился ли больной: ведь опухоль удалена. Лучевик не спрашивает, что пациент ел на завтрак – ведь Греи отпущены полностью; химиотерапевт может счесть маловажным, что больной страдает от ожога, полученного при облучении: ведь анализ крови позволяет ввести очередную дозу какой-нибудь «платины».

Предельно узкий спектр «зоны личной ответственности врача» привел к тому, что за больного в целом отвечать некому. Клиника спешит отослать пациента под ответственность онколога районного. А районколог, если что случается, возмущенно спрашивает: «А вы знаете, в каком виде из знаменитой клиники поступил ко мне больной?!»

В результате евроонкологии до сих пор всерьез не озаботились созданием сопроводительной медицины. И пока существует эта не глупыми людьми придуманная «спихотехника», какому-нибудь онкологу Ивановой сопроводительная медицина не будет нужна еще двести лет. Ивановой будет «и так хорошо»... – пока она сама не попадет на больничную койку с онкодиагнозом.

Общетерапевтические проблемы пациента начинают всерьез волновать онколога, только если осложнения сиюминутно угрожают жизни больного. Здесь уже принимаются самые решительные меры. Но лишь только угроза миновала, те же проблемы в смягченном виде остаются пациенту для самостоятельного решения в содружестве с поликлиникой по месту жительства...

Такая структура «частичной ответственности» за онкобольного привела к образованию гигантской «черной дыры». В ней превращаются в ничто героические усилия хирургов, химиотерапевтов, лучевиков, которые реально в определенный момент уже спасли больного от неминуемой смерти сначала в операционной, затем в реанимации. Но за порогом этих двух помещений не оказалось врачей по восстановительной терапии, готовых продолжить работу по дальнейшему спасению больного на том же высоком уровне.

В этой «черной дыре» исчезают громадные финансовые и материальные средства: деньги за пользование «умной» аппаратурой; цинично дорогие лекарства; дефицитные кровезаменители; заменители органов, (например, пульпа костного мозга), которые приходится иногда искать буквально по всему свету. Но главное, в этой дыре исчезают тела и души больных. Современная онкология уподобилась человеку, который хочет бодро шагать и прочно, не качаясь, стоять... на одной ноге. По моим наблюдениям, если бы существовала комплексная, в первую очередь профилактическая «наука выживания», ближние и отдаленные потери онкобольных могли бы стать меньше на 20–30 процентов.

Совершенно очевидно: назрела необходимость в создании отдельного самостоятельного направления медицины – сопроводительной и восстановительной терапии онкологических больных. Она должна существовать на стыке онкологии и общей терапии. Особым образом подготовленных специалистов по такому лечению следует ввести в штат каждой онкологической больницы наравне с рентгенологами, медиками-лаборантами, хирургами, химиотерапевтами, лучевиками, реаниматорами и врачами по лечебной физкультуре.

«Некоторые лекарства опасней самой болезни»⁷

Каждый врач по сопроводительному лечению должен иметь под руками надежный арсенал средств, нейтрализующих негативные последствия химиолучевой терапии. Коротко говоря: на каждую группу препаратов основного лечения должна существовать группа препаратов-нейтрализаторов осложнений.

Но их разработка, проверка эффективности в лабораторных и клинических условиях может потребовать десятилетий. Не исключено: каждое нейтрализующее средство само будет обладать отрицательными побочными действиями.

Откроем справочник «Лекарственные препараты и их применение»⁸. Допустим, человек ощутил боль в сердце или у него повысилось давление. Врач прописал итальянский препарат нифедикор. Скорей всего, боль этот нифедикор снимет, а давление снизит. Но вот какие новые проблемы человек рискует получить взамен: «...приливы, головная боль... тремор, судороги, гипотензия (резкое понижение давления. – *Б.К.*), тахикардия... обострение стенокардии... периферический отек, тошнота... гепатит, расстройство зрения... опухание десен, фарингит... одышка... сексуальные расстройства... гипергликемия... тромбоцитопения, анемия, лейкопения (то есть полный набор недомоганий, которые предшествуют или сопровождают заболевания крови. – *Б.К.*)». Всего 39 осложнений. В надежде избавиться от одного недуга, пациент рискует получить еще четыре десятка!

Или планетарный скандал с препаратом липобай немецкой фирмы Bayer. Он применялся для снижения уровня холестерина в крови. По неполным данным, от него погиб 31 человек. Неделе, конечно, несравненно больше. Только в других случаях родные не стали подавать в суд. Или вину изготовителей препарата было сложно доказать.

Между тем, в аннотации к липобаю в «Энциклопедии лекарств» сказано: его нельзя применять при нарушениях в деятельности почек, печени, отклонениях в формуле крови, особенно «неясной этимологии»; липобай противопоказан для пьющих, для женщин, склонных к мастопатии, и т. д. По признанию самих разработчиков, это был опасный препарат. Больным его надлежало давать только в условиях стационара, когда рядом лаборатория и врач. При этом фирма Bayer производила свое опасное зелье сотнями тонн. Какой уж тут контроль, пьет больной вино или нет.

Чтобы мой монолог не выглядел отдаленно-абстрактным, скажу: Аркадий Исаакович Райкин (об этом пишет его дочь, Е.А. Райкина) по рассеянности принял лишнюю таблетку фуросемида. Побочные действия у препарата такие: «Гипотония... коллапс... нарушения функции печени... тошнота, рвота... потеря слуха... затуманивание зрения, спутанность сознания... головная боль, головокружение, слабость, спазм мышц, озноб, лихорадка... нефрит, апластическая анемия».

Всего побочных действий у фуросемида сорок девять⁹.

У Райкина возникло осложнение, которое закончилось смертью. Жизнь величайшего актера XX века оборвалась из-за нескольких лишних миллиграммов лекарства.

Когда требуется умертвить человека, ему подмешивают примерно такое же количество цианистого калия. Результат получается почти одинаковый.

Фармакологи и врачи, не краснея, предлагают нам такого качества лекарства – при том, что расходы на здравоохранение во всех богатых странах мира исчисляются умопомрачитель-

⁷ Слова принадлежат римскому философу и писателю Сенеке. Он жил в последнем столетии до н. э. – но и тогда проблемы были те же.

⁸ СПб.: «Сезам-маркетинг», 1999. С. 536.

⁹ Энциклопедия лекарств // Регистр лекарственных средств России. Изд. 8. М., 2001. С. 963.

ными суммами. Скажем, американцы платят своим врачам и аптекарям один триллион двести миллиардов долларов каждый год.

Посмотрите, как выглядит эта цифра:

1 200 000 000 000\$

Она почти в четыре раза превышает расходы США на оборону в 2002 году. За суммы с одиннадцатью нулями «тихие американцы» глотают жестяными банками лекарственную отраву, от которой можно ослепнуть, оглохнуть, стать аллергиком, импотентом, получить паралич конечностей и даже остановку сердца. Ежегодно до 100 000 американцев погибают от лекарственного отравления. Об этом сообщил министр здравоохранения России Юрий Шевченко. Другие 100 000 тех же американцев отправляются в лучший мир из-за ошибок в диагнозе.

Казалось бы, за такие безумные деньги и лекарства можно было бы изготавливать менее ядовитые и диагностов готовить менее тупых. На деле это невозможно, даже если мы с вами, читатель, затянув пояса, подкинем американским медикам на ихнюю бедность еще пару триллионов долларов.

Так полвека назад оказалось нереальным повысить скорость, высоту и грузоподъемность винтомоторных самолетов, даже если к каждому крылу подвешивали по четыре самых могучих бензиновых двигателя. Для решения проблемы понадобилась принципиально новая, реактивная тяга.

Напомню: прообразом реактивного двигателя оказалась осветительная ракета-хлопушка, некогда изобретенная китайскими умельцами вместе с топливом – порохом.

Есть ли выход для евромедицины? Конечно: европейская врачебная наука должна открыто и с полным уважением повернуться в сторону чудом сохранившейся народной медицины Европы, Востока, Северной и Южной Америки, а заодно и Африки.

Глава II

Народная медицина в судьбе человечества

Первая наука на Земле

Народная медицина появилась задолго до математики и астрономии, за тысячи лет до таких ремесел, как скотоводство, хлебопашество и гончарное дело. Народная медицина возникла, когда население Планеты насчитывало от 1 до 3 миллионов человек. Если бы люди в ту пору не научились принимать роды, лечить раны, сращивать переломанные кости, выхаживать больных, – человечество бы просто исчезло с лица Земли.

Медицинские познания во все времена относились к числу сокровенных, то есть самых ценных и секретных. Владение подобной информацией давало преимущества одному человеку перед другим, одной стране перед другими. Сюжеты сказок многих народов мира строятся на том, что люди отправляются за тридевять земель в поисках живой, исцеляющей воды, волшебных, «молодильных» яблочек, средств против непрерывного, многолетнего сна или женского бесплодия.

В прошлом, как и теперь, люди были готовы с риском для жизни совершить путешествие на край света и отдать все свои богатства ради сохранения и возвращения здоровья и молодости себе и близким.

Первыми врачами-практиками на Планете были охотники, воины, землепашцы. Первыми людьми, которые научились осмысливать полученные оздоровительные сведения, стали – пастухи. Наблюдения за тем, как избавляются от недугов животные и птицы, подсказали скотоводам методы траволечения, исцеляющего голодания и очищения кишечника, приемы лечения животным теплом. Теперь это тепло именуется биоэнергией.

Прошли еще десятки столетий, пока лечение стало профессией и сформировался цех специалистов по оздоровлению: ведунов-знахарей, травников, костоправов, хирургов, акушеров, колдунов, кудесников и волхвов.

В наши дни слово «колдун» стало бранным. Колдунами иронически именуют народных целителей. В реальной жизни колдуны были прежде всего диагностами, психотерапевтами и гипнологами.

Они владели силой исцеляющего слова, обладали внутренней энергией, способной активно воздействовать на подсознание и организм человека, диких животных и даже на природу.

Волхвы, по «Толковому словарю» В.И.Даля, – то были «мудрецы, звездочеты, астрологи...» Волхвы владели знаниями о природе, мироздании и будущем людей. Им поклонялись сильные мира сего. Авторитет волхвов был непререкаем для всех. Кто хочет в этом убедиться, – пусть перечтет «Песнь о вещем Олеге». Этот сюжет А.С.Пушкин почерпнул из летописи.

«Два берега у одной реки»

Из гигантского опыта лекарей-эмпириков, разбросанных по всему земному шару, сложились два основных направления мировой медицинской науки: восточное и европейское.

В сфере восточной медицины оказались: Индия (родоначальница всей современной восточной медицины), Китай, Египет, Тибет, Монголия, Япония, Корея, Филиппины, Индонезия, Южная Америка, мусульманские и африканские государства. В общей сложности страны с населением более 5 миллиардов человек.

В сфере европейской медицины оказались: собственно Европа, большая часть России, Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, страны Кавказа, США, Канада, Австралия. Итого – около 1 миллиарда человек.

В основе всей восточной медицины лежит энергетическая теория. Она гласит:

1. Существует Универсальная Жизненная Сила: энергия, излучаемая Солнцем. Она является первоэлементом всего живого на Земле.

2. Любой живой организм, включая человека, имеет свой энергетический запас. Пока запас не растрочен – человек здоров. Если запас уменьшился, если энергоснабжение органов нарушилось, – возникают недомогание или болезнь или смерть.

3. Для излечения больного, по той же теории, – следует восстановить его энергетический запас. Если это удается, – больной выздоравливает.

Энергетическая теория, сформулированная индийскими учеными в глубокой древности, – на деле является теорией атомно-молекулярной. Если быть совсем точным, то даже квантовой. Только она была разработана применительно к живой клетке, биологической материи, задолго до того, как Аристотель изобрел сам термин «атом».

Энергетическая теория, на мой взгляд, – самое великое открытие в истории мировой медицины. Практическими разработками на основе этой теории с пользой для здоровья, становления личности, технического и социального прогресса воспользовались сотни миллиардов жителей нашей Планеты. Об этой теории с полным основанием можно сказать: «Все великое – просто».

Смысл действий врача восточной школы заключался в том, чтобы помочь пациенту восстановить свой энергозапас. Этой цели служили: водные процедуры, особым образом подобранная диета, фитотерапия, включение в рецептуру компонентов животного происхождения, дыхательная гимнастика, физические упражнения. Самым мощным оздоравливающим средством было и остается прямое энерговоздействие целителя на пациента. Оно производилось наложением рук или с помощью платиновых, золотых, серебряных игл, которые ввинчивались в определенные точки или зоны тела.

Восточная система оздоровления держалась и держится на трех «слонах»: знании живого человеческого организма; знании законов окружающей природы и космоса; знании законов взаимосвязи живого организма с природой и космосом.

Восточная оздоровительная система создавалась в тот же период истории, когда ученые Индии, Египта, Китая, других стран активно исследовали и осваивали Землю и Вселенную. Это было необходимо для выживания человечества. В результате исследований Планеты и Вселенной возникли географические карты Земли; астрономия с картой звездного неба и первыми навигационными приборами; календарь, в основе своей существующий до сих пор; основы математики. Были открыты законы агрономии, ирригации, строительного дела. В Египте ирригационная система и принципы ведения сельского хозяйства, разработанные задолго до рождения известных нам фараонов, функционируют до сих пор. Конструкции египетских пирамид или Великой Китайской стены и ныне таят в себе неисчислимое количество физических, химических, математических, инженерных загадок. Многие явления и достижения прошлого не укладываются в рамки законов современной науки.

Восточная оздоровительная система стала важнейшей частью этого громадного «Информационного Здания». Медицинская наука была единственной областью знаний, о которой в странах Востока неусыпно заботились (и продолжают заботиться!) власть и священнослужитель. Все позднейшие попытки дискредитировать, забыть, запретить, затоптать, ошельмовать восточную врачебную науку, насильственно заменив ее европейской, закончились поражением.

У европейской медицины нет философской концепции, равной концепции восточной по силе обобщения и практической применимости. При этом медицина европейская полностью игнорирует концепцию медицины восточной.

Эти два обстоятельства навечно связаны с малоизученной жизнью, лечебной деятельностью и личностью «отца евромедицины» Гиппократ. Он жил за пять веков до н. э. «Великий Гиппократ», как его именуют историки западной науки, явление непростое и неоднозначное. «Суперзвездой» его сделали трагические гримасы европейской истории (о чем я еще скажу).

Если представлять Гиппократ как «голого человека на голой Земле», – то это величайший гений. Подумать только: в европейской пустыне, где по улицам городов порою бегали дикие звери, он заложил основы медицинской науки. Только не успел (или не сумел?) сформулировать философскую концепцию.

На самом деле трагедией для европейской медицины стало невиданных размеров тщеславие Гиппократ. То был, несомненно, очень деятельный, по тому времени широко образованный человек. А столица Греции – Афины – являлась центром европейской цивилизации. Европа была еще мало населена. А в Афинах жизнь кипела без остановки: строительство дворцов, стадионов, жилья; верфи для сооружения судов; базары, цеха ремесленников, меняльные лавки, знаменитые бани; театры; стадионы, где проходили бои гладиаторов и состязания спортсменов. Тут жили поэты, скульпторы, философы. Двери своих домов распахивали гостеприимные и просвещенные красавицы-гетеры. Ритм всему существованию Афин задавал морской порт.

Сюда приходили корабли из многих стран. Они доставляли огромное количество товаров, в том числе фрукты, пряности, ароматические вещества, лекарственные растения и средства, чудодейственные бальзамы, медицинские инструменты. И рукописи. В Афины стекалась разнообразная информация. Здесь закладывались основы многих наук. Сохранились свидетельства, что Гиппократ заказывал коммерсантам и скупал за большие деньги рукописи восточных философов, ученых-медиков, тщательно штудировал манускрипты, делал выписки, а потом... сжигал – чтобы не прочитали другие.

Две с половиной тысячи лет назад, когда жил Гиппократ, восточная медицина была уже сформировавшейся, развитой наукой с громадным арсеналом средств, с серьезными достижениями в хирургии, в частности, в онкологии. В то время, когда Гиппократ писал, что больных, которые страдают раком, «лучше не лечить», восточная медицина имела надежные лекарственные средства для бескровного истребления опухолей. И наборы инструментов для их удаления и извлечения из труднодоступных мест в организме человека. Например, из позвоночного столба без повреждения позвонков. В Европе и США этого никто не делает и сегодня.

Культура и наука Европы были тогда еще очень молоды. Взяв за основу теорию и достижения медицины Востока, Гиппократ и его ученики могли идти дальше, делая собственные открытия в русле той же науки. Но Гиппократ отмахнулся от восточной теории, диагностики и восточных методов лечения. Он предпочел собственный путь, условно говоря, разрозненных наблюдений и случайных советов.

Он дарил сентенции типа: «При поте дрожь – нехорошо»; «Для страдающих селезенкою наступающая дизентерия – хороший признак (?)»; «Питье вина устраняет голод» и т. д. Были у него высказывания и более содержательные – однако знания физиологии, анатомии они не заменяли и перспектив для развития науки не распахивали.

Намерение Гиппократ заложить основы евромедицины как бы на ровном месте, когда уже существовала медицина восточная, было сравнимо с тем, как если бы мы с вами, читатель, для освещения квартиры, ее обогрева, для работы телевизора, пылесоса и компьютера стали бы получать электричество, натирая шерстяной тряпкой палочку янтаря.

Трагедию усугубило то обстоятельство, что с приходом христианства католическая церковь запретила любые медицинские исследования на живых и мертвых. Изречения Гиппократов типа: «При поте дрожь – нехорошо», – пятнадцать веков требовалось считать в Европе вершиной оздоровительной мудрости. Несогласие объявлялось ересью, достойной костра.

Отражался ли научный спор о путях развития медицины на конкретном больном и обществе в целом? Судите сами. В старину колоссальный прорыв в развитии цивилизации принадлежал в первую очередь тем странам, где был высок уровень медицинских открытий и познаний: Индия, Египет, Китай, Иудея.

В древнем Китае считалось нормальным, если человек жил больше ста лет. Врачи, владея секретами «вечной молодости», доживали до двухсот. Болгарский профессор Георги Лозанов, лет тридцать назад, изучая возможности древней медицины Индии, обнаружил: многие йоги жили до 250 лет.

А в Древней Греции и Древнем Риме, где свободное население (не рабы!) лечилось снадобьями тогдашней евромедицины, продолжительность жизни колебалась от 17 до 25 годов.

В Китае в старину специалистом первой категории считался врач, у которого выздоравливало и выживало 100 % больных. Если же выздоравливало менее 70 %, такого бракодела отправляли на переподготовку. Врач обязан был подтверждать свою квалификацию ежегодно. Действовал и такой тест: медику предлагали самому себе поставить диагноз и самого себя вылечить. Если это ему не удавалось, – у него отбирали диплом. На время или навсегда. Отсюда и знаменитый девиз: «Врачу: исцелись сначала сам!»

Действуй этот метод проверки квалификации сегодня, – опустели бы многие больницы и поликлиники в Европе, США и России. Потухли бы экраны иных оздоровительных ТВ каналов, где врачи-ведущие (это видно по их лицам) порой и сами нуждаются в лечении.

До сих пор обнаруживают и расшифровывают секретные медицинские рецепты, по которым лечили китайских императоров тысячи лет назад. Эти рецепты были самой большой государственной тайной. Лекарства, по ним изготовленные, не утратили своей исцеляющей силы до сих пор. Некоторые снадобья, изготовленные по этим прописям, сегодня можно приобрести по всему миру, включая аптеки Москвы, Санкт-Петербурга и Тюмени. Отдельные китайские фирмы зарабатывают на этом миллиарды долларов в год.

Индийские фармацевты только что заявили, что полностью обеспечили лекарственными средствами с использованием древней рецептуры миллиардное население своей страны и готовы оказать ту же любезность народам еще 60 стран Планеты¹⁰.

В то время, как восточная медицина давно открыла бактерии, мало того – имела средства для борьбы с ними, Европу как минимум два десятка столетий опустошали эпидемии чумы, холеры, оспы и других инфекционных заболеваний. Вымирали целые страны. В начале XX века грипп охватил всю Европу. Погибли почти 20 миллионов человек. Грипп и холера, как известно, косят «белолицых братьев» до сих пор.

Два подхода-две медицины

Отношения с религиозными институтами

В тех странах, где медицинская наука стала частью религиозной философии, а медицинская практика и медицинские учреждения – частью религиозных институтов, врачебное дело ожидал расцвет.

¹⁰ Сахаров М. Слон в аптечной лавке // Известия. 27.01.2003.

Так было в Египте, где жрецы лечили при храмах, в Индии, Китае, Тибете и др. То, что священнослужители заботились не только о душе, но и о теле паствы, тоже приносило колоссальные доходы. Источником богатства становилась уникальная оздоровительная информация и феноменальные результаты лечения.

Принцип накопления информации

Представьте, читатель, что вы живете в 2003 году, но только до н. э. Достигнув столетнего возраста, накопив много сведений о лекарственных растениях, вы в конце жизни передали эти секреты своему сыну. Он продолжил ваши изыскания, сделал большое количество собственных открытий и, прожив свои 100 лет, сообщил все сведения уже своему сыну. А теперь попытайтесь представить, какой массой сведений обладал бы ваш потомок (берем идеальный слушатель) в нынешнем 2003 году?

Между тем именно так накапливали знания в восточной медицине. Только чаще всего они передавались от Учителя к ученику. Храмы и монастыри, построенные в труднодоступных местах, становились главными хранителями медицинских знаний. Главным заповедным местом для сбережения медицинских и религиозных книг на Планете был Тибет – пока туда не направил своих солдат «великий кормчий» Мао.

Восток: гениев народной медицины искали и растили

Абитуриентов для обучения тайнам медицины тибетские монахи искали и тщательно отбирали. Первый критерий – астрологические показания. Второй – качества памяти. Третий – художественные способности, чуткость пальцев. Четвертый – стойкость характера. Были и другие признаки, которые остаются засекреченными.

В монастырь на обучение брали только мальчиков с четырех[^] лет. Этот возраст считался особо пригодным по бездонности памяти и безграничности возможностей для развития способностей, необходимых врачу. В первую очередь – для овладения пульсовой диагностикой.

Для нашего разговора важно: медицинской профессии в буддистских монастырях обучали мальчиков с возраста теперешних малышей-детсадников, причем не кого попало, а самых для ремесла пригодных.

Система обучения

Медицинские сведения, которые сообщали будущим ламам-медикам, считались секретными. К тому же многие «студенты» в первые годы обучения еще просто не умели читать и писать. Сохранить уникальные знания была призвана память.

Первый этап обучения продолжался 8—10 лет. К 12—14 годам лама-подросток получал основные сведения и навыки высококвалифицированного врача восточной школы. Достаточно сказать: такой специалист знал полезные свойства 6000 лекарственных растений, а так же время года и время суток для их сбора, обработки и т. п. На память выучивались и сотни рецептов. Некоторые содержали до 98 компонентов.

Снаряжение врача восточной школы

Приходя к больному, врач имел при себе все, что было необходимо для его обследования и даже лечения.

Пульсовая диагностика заменяла всю нынешнюю лабораторную технику. Диагноз так же ставился по цвету и состоянию кожи, радужной оболочке глаз, состоянию языка и слизистых рта, по запаху, который исходил от больного; по внешнему виду экскрементов. С их помощью врач получал исчерпывающую информацию о состоянии организма и о нарушениях в энергобалансе. Для восстановления баланса медик имел пучок платиновых игл. С их помощью энергетика больного могла быть приведена в порядок еще в присутствии врача. Если состояние

здоровья предполагало долгое лечение, сеансы иглоукалывания повторялись. Их дополнял или заменял богатый арсенал лекарств из натуральных веществ.

По мнению западных исследователей, народы Востока, которые на протяжении тысячелетий пользовались услугами и средствами восточной медицины, соблюдали ее гигиенические правила, оказались наиболее жизнеспособными и генетически стабильными.

ЗАПАД

Отношения с церковью

Европейскую дохристианскую церковь медицина как наука не интересовала. Изучать ее служители культа считали занятием утомительным. Если восточные храмы богатели, восстанавливая здоровье верующих, то в Европе религиозные деятели нашли другой способ заработка на телесном обслуживании прихожан: в Древней Греции широко практиковалась храмовая проституция.

Сексуальные услуги предоставлялись на благотворительной основе. Зарабатывали храмы на добротных даяниях, ресторанном и гостиничном сервисе, а также на сувенирно-галисманном производстве.

Все изменилось с приходом в Европу христианства. Новая церковь из нищей, страдальческой и гонимой стала богатеющей, бесконтрольной и тиранической. Она претендовала на абсолютную власть. Развивать храмовую медицинскую науку, готовить кадры врачей, целителей христианская церковь не желала. Храмовая проституция по канонам новой религии источником доходов быть не могла. А деньги, как всегда, были нужны. И большие. Откуда же их брать?

Было найдено лукавое решение – пополнять церковную казну деньгами... за лечение. При соборах и монастырях начали открывать больницы.

Европа: гениев народной медицины сжигали на кострах

Для лечения в таких «богоугодных заведениях» требовались в первую очередь врачи. Нанимать их иерархи церкви не желали. Готовить собственные кадры тоже не собирались: расходы и хлопотно. Главным исцеляющим средством призвана была стать молитва.

Можно ли исцелиться молитвой?

Мои собственные исследования показали: молитва способна оказывать оздоровительное действие. В ее основе лежат три составляющие: сосредоточение (медитация) на пламени свечи, иконе святого или на тексте молитвы; просьбы об исцелении («команды»), адресованные божественным силам или конкретному святому и – (как результат двух первых действий) – энергопоток, энергвоздействие, по религиозной терминологии «Божья благодать», которую ощущает молящийся.

Не сложно заметить: моление по своему механизму мало чем отличается от главного мистического ритуала оздоровительной индийской системы хатха-йога. Участник или участники ритуала уединяются в тиши; сосредотачиваются на цели своего занятия; обращаются к Брахману – своему божеству; четко формулируют результат, который они желали бы получить в результате занятия. Итогом становится приток энергии – «Универсальной Жизненной Силы», с помощью которой производятся оздоровляющие действия.

Человек, который занимается йогой, способен сделаться здоровым; долго обходиться без пищи и воды; продолжительное время не дышать или довольствоваться минимальными дозами кислорода.

В таком внутреннем сходстве двух (в данном случае) философских систем нет ничего странного. Религия или другая система самоусовершенствования человека могут *материально*

базироваться только на единообразных законах взаимодействия мозга и тела человека со Вселенским разумом и Вселенским энергopotенциалом. «Персональные» законы для той или иной религии или оздоровительно-философской системы йогов, дао, метода Порфирия Иванова и других во Вселенной не предусмотрены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.